

- практичної конференції «Туризм в Україні: економіка та культура». – К.: «КМ-Треїдинг», 1998. – Частина перша. – С.141-147.
8. Блага Н.Н. Рудык А.Н. Методические аспекты определения норм допустимых рекреационных нагрузок на территорию природно-заповедного фонда// Проблемы и перспективы туристического бизнеса в Украине: материалы научно-практической конференции молодых ученых (3-6 октября, 2002 г.). – Алушта, 2002.
 9. Ена В.Г. Заповедные ландшафты Крыма: - 2-ое изд., доп. – Симферополь: Таврия, 1989. – 136с.
 10. Карташевская И.Ф. Географические аспекты познавательного туризма. Рынок экскурсионных услуг. – Симферополь: Изд-во «Пирамида-Крым», 2000. – 147с.
 11. Отчет о научно-исследовательской работе по комплексной медико-климатической характеристике курортов Южного берега Крыма./ Крымский республиканский НИИ физических методов лечения и медицинской климатологии физических методов лечения им.И.М. Сеченова.
 12. Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. Справочное издание. – Симферополь: Таврия, 1989. – 192 с.
 13. Реестр туристических ресурсов Автономной Республики Крым и г. Севастополя. – Симферополь, Таврия-плюс, 2002. – 268с.
 14. Состояние окружающей природной среды в городе Севастополе за 2002 год (по материалам Информации к Национальному докладу о состоянии окружающей природной среды за 2002 г.) – Севастополь: Государственное управление экологии и природный ресурсов в г. Севастополе, 2003.
 15. Техничко-економічне обґрунтування рекреаційного зонирования території Севастопольського горсовета/ Інститут природоохоронного і курортного будівництва, – Симферополь, 1997
 16. Финогеев Б.Л. Лобов О.В. Горецкая Н.Н. Крымский туризм на пороге XXI столетия: столетия: состояние и пути его развития. – Симферополь.: «Таврия-плюс», 1998. – 147с.
 17. Экология Крыма. Справочное пособие / Под ред. Н.В. Багрова и В.А. Бокова. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 360 с.: ил. – На русском языке.
 18. Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». – М.: Институт Наследия, 2000. – 216с.
 19. Яковенко И.М. Анализ опыта картографического моделирования рекреационного природопользования. //Культура народов Причерноморья, № 30, 2002г.

Плишак Ю.В.

РЕЦЕПЦИЯ КАЗАЧЕСТВА В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ II ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

История казачества вызывала всегда живой интерес, не только в нашей стране, но и за рубежом. Образ смелых казаков наездников, их внешний вид, язык, образ жизни, а также менталитет, побудили многих исследователей совершить серьезные научные изыскания. Прежде чем перейти к рассмотрению восприятия образа казаков немецкими исследователями, попытаемся дать лаконичное представление о казачестве и его дифференциации.

«Казачество - военное сословие в дореволюционной России в XVIII начале XX вв. В XIV-XVII вв. вольные люди, работавшие по найму, лица, несшие военную службу в пограничных районах: городовые и сторожевые казаки» [3.с.530].

Первые упоминания о казаках на Украине относятся к XV веку. Этот период отмечен как один из самых тяжелых в истории украинского народа. Правое Приднестровье, Восточная Волынь, южные земли принадлежали Литве. Западная Волынь и Подолия, так же, как и Галичина принадлежали Польше, Закарпатье - Венгрии, а Буковина – Молдавии. Украинские крестьяне должны были отрабатывать барщину 4-5 дней в неделю. Были увеличены оброки и повинности. Мещане украинской нации подвергались различным ограничениям. «В Львове, одном из крупнейших украинских городов, они могли жить и владеть недвижимой собственностью только на одной улице – Русской»[1.с.17]. Результатом такого угнетённого состояния часто служило бегство. Украинские крестьяне и мещане бежали семьями. А иногда целыми селениями в малонаселённые районы степной Украины. Осевши на новых местах, они называли себя казаками. К концу XVI века казачество составляло значительную часть Восточной Украины. Первое упоминание Запорожской Сечи оставил польский хронист XVI века Мартин Бельский, посвятив казачеству один из разделов своей хроники. Он подробно описал занятия казаков, проживавших на Днепре, а также на острове Томаковка. В.А.Голобуцкий считает, что Сечь была основана на Томаковке, так как именно там находилась войсковая флотилия, артиллерия и собиралась казацкая рада.

Некоторые историки указывали на существование «золотого века» Украины, который непосредственно связывался со временами Запорожской Сечи. В период второй половины XIX и начала XX веков появляются несколько гипотез о происхождении казачества и его исторической роли. Д. Эварницкий, основоположник идеалистической позиции, следующим образом выразил значение казачества: «В своём развитии Запорожская община доходила до полного идеала, неведомого ни в древнем, ни в среднем, ни в новом веках. Господствовавшее здесь начало равенства, проходило везде: при разделе имущества, в частной жизни...» [5.с.189].

Воспевали в своём творчестве образ казака - поборника свободы, многие известные представители литературы и искусства: Т. Г. Шевченко, Н.В. Гоголь, И.Е. Репин и др. Михаил Грушевский считал казачество воплощением особой национальной идеи, которая должна руководить исторической жизнью украинского народа.

Однако не все историки воодушевлялись образом украинских казаков. Польский представитель таких

взглядов Ф. Равита- Гавронский придерживался иной точки зрения по отношению к казачеству, противопоставляя его культурным полякам как «варваров, унаследовавших худшие инстинкты норманского владычества»[8.s.11].

По данной тематике была написана известная работа М.Слабченко «Соціально-правова організація Запорізької Січі», который считал Запорожскую Сечь самостоятельной государственной организацией. Её основой было военное братство, состоявшее из неженатых казаков - сечевиков. Им противопоставлялись женатые казаки и посполитые. М.Слабченко представлял военный орден, отношения внутри которого характеризовались военными законами, военным правом. Форму такого государственного устройства с точки зрения сегодняшних реалий и потребностей социума трудно назвать идеальной.

О казачестве написано множество научных трудов отечественных исследователей. Среди них самые известные: И.Попка «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» (1852), П.П.Короленко «Черноморцы» (1874), работа Ф.Щербины «История кубанского казачьего войска» (1913) и, конечно, самое яркое учебное пособие Д.Эварницкого и Д.Яворского «Вольности запорожских казаков» (1890).

Походы запорожцев на Крым и Турцию производили огромное впечатление на европейские страны. За сорок лет (с 60-х годов XVII до начала XVIII века) в Италии, Германии, Франции и Англии появилось свыше десяти произведений, посвящённых военному искусству запорожцев. « На Запорожье стали смотреть как на важный фактор в международных отношениях»[1.c.22].

Краткое знакомство с отдельными фактами богатой истории казачества, позволяет понять мотивацию упоминаний об украинском казаках в немецкой литературе. Это вызывает несомненный интерес, так как способствует формированию образа целой державы и её народов в интересующий нас период. Приведём несколько наглядных примеров, подтверждающих это.

Томас Манн в романе «Лотта в Веймаре» пишет: «После постоя донских казаков в тринадцатом году нам пришлось всё тщательно ремонтировать: лестницы, комнаты, коридоры, гостиные. Последнее, на мой взгляд, было излишне. Насильственные сдвиги мировой истории принудили нас к этой мере; отсюда надо было бы извлечь мораль, что насилие временами способствует обновлению жизни. Я, конечно, не хочу всю заслугу побелки дома приписать одним казакам. У нас стояли также прусские войска и венгерские гусары, не говоря уже о французах...»[2.c.204]. Данное упоминание о казаках встречается в разговоре Магера - коридорного веймарской гостиницы Слона с надворной советницей Кестнер, мадам Шарлоттой Кестнер, рождённой Буфф из Вецлара, т.е. Вертеровой Лоттой, главной героиней, этого произведения. Подчёркивается отсутствие надлежащего поведения в общественных местах, но не только со стороны казаков, но и со стороны французов, а также представителей Пруссии и Венгрии. Сам факт такого отношения вполне объясним, ведь роман принадлежит немецкому писателю, на Родине которого и находились освободители, воспринимаемые впоследствии как оккупанты. Кроме того, поведение солдат, во время военных действий отличается от поведения в мирное время. Соблюдение определённых правил мирного времени в период войн всегда представлялось сомнительным.

«В середине октября мы не без страха, но и не без восхищения впервые увидели на улицах Веймара казаков»[2.c.334]. Эти строки подтверждают амбивалентность восприятия немцами казаков. Для казачества типично с точки зрения немецкого обывателя, как варварство, отсутствие европейского воспитания, так и отвага, мужество, бесстрашие и весёлый нрав.

«Хотя бремя невзгод на всех ложилось одинаково. Но среди этих бед и притеснений между людьми всё же существовало глубокое внутреннее различие; легче и веселее невзгоды, переносились теми, кто радовался победе общего патриотического дела. Пусть она достигалась с помощью иногда диких и распущенных друзей казаков, башкиров и гусар с востока, победа сторицей окупала все муки и давала силы переносить их»[2.c.335]. Эти строки Т.Манна ещё раз наглядно демонстрируют такую рецепцию.

«Казак в Веймаре - это не совсем то, что представляется желательным. Или, может быть, их поведение корректнее поведения французов? Друзья притесняют нас не меньше, чем враги»[2.c.338]. Точка зрения немецкого писателя представляет субъективную картину восприятия казаков автором. Рассмотрим несколько других точек зрения представителей Германии, интересующихся этим вопросом и посвятивших отдельные главы своих трудов, а иногда и целые работы вопросу восприятия казачества.

Г.Роскошный, (Hermann Roskoschny), автор старинного немецкого издания о России XIX века, (Rußland. Land und Leute), посвятил одну из глав казачеству. Он описал его очень подробно: от происхождения самого слова казак, до нарядов казачек, их песен и традиций. Несмотря на то, что нет точной даты написания этой работы, ряд деталей, в частности упоминание его современников из числа немецких авторов XIX века и имени Н.Гоголя, и, наконец, сама тематика этого сочинения, позволяет предположить, что автор написал свой труд именно в конце XIX века. Кроме того, мы можем предположить его фамилию на русском языке, поскольку в оригинальных источниках встречаемся лишь с немецким вариантом – Hermann Roskoschny.

Данное исследование представляет для нас огромный интерес, поскольку позволяет понять собирательный образ народа Российской империи, тех стереотипов, которые сформировались в конце XIX века о России и Украине в Германии.

Под словом – «казачество», он понимает братство свободных воинов, объединённых общими интересами и особыми отношениями, смысл которых объясняет слово казак. Это слово татарского происхождения. Изначальное значение этого слова «вооружённый бродяга, разбойник». Такие разбойники и бродяги, с точки зрения автора, составляли значительную часть казачества у его истоков. Увеличение их числа усиливало важность значения слова. « Казак считался легко вооружённый воин-всадник, который принадлежал какому-либо военному товариществу. Командование этого товарищества было выборочным. Называться казаком было почётно, так как каждый казак считал себя особенным, великим и всемогущим, самым свободным воином мира»[9.c.276].

Автор подчёркивает сложившиеся обстоятельства, при которых южные окраины государства подвер-

гались нападением со стороны хазар, печенегов и половцев. В таких районах находились палатки степных кочевников. Эти набеги осуществлялись со времён Рюрика до XII века. Нападали на путешественников, караваны, воевали друг с другом. Следовательно, воин, возвратившись с похода в разрушенное жильё, начинал строить всё заново. По этой причине не наблюдается быстрое развитие ремесла, сельского хозяйства. Удалённость городов и незащищённость горожан вынуждали людей браться не за работу, а за оружие. Герман подчёркивает, что нужда и голод заставляли их часто заниматься разбоем или присоединиться к какому-либо войску. В этом и состоит, с его точки зрения, причина образования казачества. В середине XV века великий герцог Литвы прогнал татар с берегов Днепра и распространил свою власть на Киев, Чернигов, Новгород-Северск. В результате чего, возникла свободная территория для военных товариществ. Её территория охватила Дон, некоторые земли у Азовского моря и водопадов на Днепре.

Казачество возникло, неслучайно, в южных провинциях, где русские князья и бояре часто терпели неудачи в борьбе с татарами. Казаков с Днепра называли запорожцами. Они принадлежали к греко-русской церкви. Казаки были нетерпимы к представителям другой веры и всегда сражались в первую очередь за свою веру.

Польский король Стефан Баторий (1533-1586) поделил казаков на 10 отдельных полков, а тех в свою очередь на тысячников и сотников. Предводителей называли полковниками, сотниками. Полководца гордо именовали кошевым. Король наделял кошевого булавой и бунчуком, полковым знаменем и печатью. Понятия гетман было принято у поляков, так называли главу реестровых казаков. Кошевому, главе войскового управления, тоже был присвоен этот титул. У русских казаков его заменяло слово атаман.

Автор не углубляется в описании органов власти. Он упоминает чин атамана, не детализируя военных рангов. Следует уточнить, что были и другие атаманы: войсковой, наказной, походный, кошевой. Его поверхностная характеристика не позволяет дать полной картины административных органов.

Оседлое население казачества проживало отдельно и независимо от Сечи. Военные поселения и гражданские населённые пункты были дружными соседями. Сечь не была привязана к одному месту. В период расцвета казачества она располагалась на острове Хортица. Сечь состояла более чем из 50 куреней т.е. деревень, которые возглавляли куренные атаманы, попросту называемые батьками. В центре Сечи была большая площадь, на которой проводились собрания и совещания и куда спешили при подаче условленного знака в особых случаях, били в литавры три раза. «После этого появлялись высшие чины, они несли атрибуты власти: сначала кошевой с булавой, затем - судья с войсковой печатью, писарь с письменными принадлежностями, есаул с длинным жезлом»[9.с.278]. Тематика обсуждений была различна. Особой важностью отличались вопросы войны и мира, а также выборы атамана. Проходили они всегда шумно и не обходились без столкновений и кровопролития. С точки зрения автора, казаки вели праздную жизнь. Это объяснялось ещё и тем, что серьёзной работы в мирное время у них не было. Военные учения проводились редко, так как самым лучшим учителем была война. Во время военных набегов на соседние территории развивалась боевая закалка и захватывалась немалая добыча. Казаки, конечно, занимались охотой, играми, музыкой и т.д. По прибытию новобранцев, не существовало ни каких трудностей с их зачислением. Единственный экзамен, который им предстояло выдержать, это ответить кошевому: «Веришь ли ты в Иисуса Христа? Веришь ли в триединство Господа? Ходишь ли в церковь? Перекрестись!»[9.с.279]. После прохождения такого испытания, новобранец зачислялся в казачество и получал право выбирать атамана.

Вероятно, это далеко от объективной истины. Даже сам немецкий исследователь удивлялся тому, что у новичка не спрашивали о его прошлом, а также какой веры он был ранее, то есть, автора трактата удивляла демократичность, которая была нормой в Сечи, отсутствие бюрократических норм, о котором сейчас можно только мечтать. Простота и свобода, вот краткое определение стиля этого порядка, которые рассматриваются любым законопослушным и педантичным немцем, как недостатки. Законодательство отличалось простотой, ясностью формулировок и построением главных задач. Одна из них – безопасность и её обеспечение в самой Сечи и в близлежащих районах. Автор одновременно критикует причину простоты зачисления в казачество и удивляется строгому соблюдению законов у казаков. « В Сечи не было замков в дверях и задвижек. Если обнаруживали вора, то наказание было очень жестоким. Его привязывали к позорному столбу и клали рядом с ним палку, которой каждый проходящий наносил ему удар до тех пор, пока он не испустил дух. Если же наказуемый оставался в живых, то его хоронили заживо. С должником поступали почти также. В случае погашения его долгов товарищем, его ожидало прощение, и провинившегося отвязывали. Подобные наказания существовали только внутри Сечи»[9.с.279].

Казацкий социум характеризуется ярко выраженным патриархатом. Для казаков было оскорбительным даже думать о женщинах и любви.

Как уже отмечалось, они были очень религиозны. Обряд молитвы проводился в деревянных маленьких церквях, поп окроплял верующих святой водой. У казаков были сложные отношения с евреями, это касалось в первую очередь веры. Указывались факты, которые являлись мотивацией вражды между ними. Следует отметить, что это вызвало немалый интерес для немецкого автора.

Одежда казаков глазами немца выглядела так: «Единой военной формы у казаков не было. Большинство придерживалось в одежде одного и того же покроя; красные, жёлтые или чёрные сапоги с серебряными шпорами, широкие в складочку брюки на ремне, на котором висела трубка, кисет для табака и прототип современной зажигалки. Второй, вышитый пояс, внутри которого, всегда были наготове длинные пистолеты, плотно подпоясывал короткий, огненно-красный, либо небесно-голубой, либо пшеничного цвета сюртук. С боку висела сабля. Лица казаков были выбриты, но они всегда носили очень большие усы. На голове астраханская шапочка с золотой кисточкой»[9.с.281].

Тоска южных казаков по дому, то есть по украинским степям, сравнима лишь с тоской швейцарцев по своим горам. «Ни один казак не покидал свою родину без горстки земли, которую он носил на груди, вместе с иконкой, и которая была его утешением на чужбине» [9.с.286]. Автор возвращается к событиям XVII века, когда казаки выступали на стороне поляков в войне России с Польшей. Поляки, почувствовав силу

казацкого войска, начинают задумываться о скрытой украинской угрозе, в результате сокращают войско казаков с 30 000 до 6 000. Справедливо было бы отметить, что и Россия в последствии поступала подобным образом.

Немецкого автора привлекла такая черта казаков, как страсть к охоте. «Охота должна волновать и приносить удовлетворение. Охота на лис и волков всегда была традиционной, если казак предлагал своему соседу поохотиться вместе, то это могло означать начало крепкой дружбы. Охотились рано по утру на лошадях с собаками, оружие с собой не брали, а пользовались плетью»[9.с.287].

Эта любовь к степным просторам, некоторым образом, объясняет возникновение и развитие скотоводства в этом крае. Казаки пасли в своих степях овец и коней. Автор упоминает большие хозяйства, владельцы которых имели по 50 000 или 60 000 овец и несколько тысяч лошадей. Можно было встретить табуны диких лошадей, которые могли состоять из 1000, иногда 2000 лошадей и паслись зимой и летом вольно в степях. Коня ловили при помощи лассо и седлали, что требовало большой смелости и мастерства. Г.Роскошный подробно описывает этот процесс, детализируя каждое движение казака, восхищаясь его ловкостью.

Донские скакуны, одна из самых ценных пород лошадей в России XIX века. Справедливо отмечается Германом достижение высокого уровня развития коневодства в империи, а в отдельных её губерниях оно стало доминирующим. Ещё древние греки много знали о коннице скифов, коренных жителях этой южной земли и восхваляли их, как прекрасных коневодов.

Русское правительство обратило особое внимание на эту отрасль сельского хозяйства, способствуя возникновению частных конюшен и достойному развитию царской конюшни. « В 1879 году в России было 7 государственных и 3430 частных конюшен. Они были расположены в 52 губерниях империи. В 1876 году коневодство юга России исчислялось цифрой 16 905 000 лошадей, а всей империи 24 миллиона»[9.с.290].

Наряду с коневодством, казаки занимались также разведением крупного рогатого скота, овцеводством. В 1876 году в донском казачестве было около 1 746 000 голов крупного рогатого скота. Это был регион с высоким уровнем развития животноводства.

Г.Роскошный сравнивает Донское казачество с драгоценной жемчужиной в короне российской империи. В описании этого края преобладают положительные эмоции. Ему всё нравится: превосходный климат, со свежим степным воздухом; изобилие разных продуктов, которые едва ли встретишь в других русских провинциях; поля кукурузы и пшеницы; зелёные луга, на которых пасутся тысячи коней и овец; виноградники и абрикосовые сады; шелковица, способствовавшая возрождению шелководства в этом крае; охота в степях; рыболовство; добыча угля. «Это благословенная земля! Поражает обилие фруктов и овощей... по смешно-дешёвой цене» [9. с.291]

Быт казачьих станиц поразил немецкого исследователя чистотой. Дома выбелены набело, окружены плодовыми деревьями, ухоженный садик с цветочными клумбами перед окнами. В домах уютно. « В гостиной на стенах висят иконы, портреты императора и Великого князя, всегда в форме казаков и портреты знаменитых атаманов. За чистыми, сверкающими стёклами серванта храниться гордость любой хозяйки, кухонная посуда и самовар» [9.s 295]. Автор обратил внимание на то, что на севере России редко встретишь такую идеальную чистоту и уют. Скамейки обтянуты ситцем, а на чистом столе обилие разнообразных блюд. Вся пища вкусно приготовлена. В доме есть спальня, еда готовится на кухне. Лошади, крупный рогатый скот, овцы и свиньи находятся в отдельно построенных хозяйственных пристройках.

Казаки занимаются земледелием с недавних пор. В 1690 году им было запрещено заниматься земледелием. Постепенно царское правительство пришло к пониманию того, что земледелие будет способствовать оседлому образу жизни казаков, и запрет был снят.

Виноделие, которое развивалось с XIII века и поощрялось со времён Петра Великого, играло также немалую роль в экономике этого региона. В 1804 году в Крыму, три года спустя и в Ставрополе, были открыты учебные заведения для будущих виноделов, выписаны специалисты из Франции, привезены учебные материалы из-за границы. Казаки также любили заниматься виноделием. Белое и красное вино Донского казачества могло конкурировать с лучшими винами Российской империи. В то время в России было очень популярно шипучее вино под названием «Донской». Оно могло подаваться в лучших ресторанах Москвы и Петербурга наряду с французским шампанским. « В 1870 году донская область произвела 150 000 ведёр вина. Сбор урожая винограда составил 110 пудов с десятины»[9.с.296].

Другой важной отраслью в хозяйстве казаков была добыча угля и антрацитов. Казаки занимались добычей угля, не строя шахты. Добыча проводилась почти с поверхности. Только «в 1837 году была построена первая шахта, а через 2 года уже работали 6 шахт, которые ежегодно приносили 150 000 пудов угля» [9.с.296]. Между казаками и правительством существовал договор о том, что с каждого пуда готового угля две копейки должны были приходиться в кассу донского войска. Самые известные шахты были расположены вдоль речки Грушевки, к северо-востоку от столицы Ново-Черкаска.

Конечно, казаки занимались и торговлей, но здесь существовали определённые ограничения. Казак, который хотел заниматься торговлей, должен был иметь в наличии 1500 рублей и заплатить взнос в кассу донского войска 60 рублей. Торговля в Донской области находилась исключительно в руках казаков.

Огромный интерес вызывает описание внешности казаков. Автор дифференцирует казаков как верхних и нижних. Это связано с местом их проживания: вдоль верхнего течения Дона, или вдоль нижнего. Первых, он характеризует, как крепких, привычных к работе, голубоглазых блондинов. Большинство из них сохраняют стройность и молодавость до старости. Вторые же, более слабые, в их внешнем виде преобладает типичная южная мягкость. Волосы и глаза тёмные. «У казаков, живущих вдоль верхнего Дона, сильные патриархальные традиции: отец-глава семьи, после его смерти, главенство в семье переходит старшему сыну. Сыновья остаются жить в доме отца, но всё, что они приобретают, принадлежит всей семье. Хозяйство ведётся так, как было ещё при прадеде, для новшества казак неохотно выделяет деньги. Бо-

гатеют немногие, лишь некоторые землевладельцы владеют своей собственной землёй. Иначе живут казаки на юге. Старые патриархальные традиции почти не сохранились»[9.s.297].

Женщины верхнего Дона одевались просто и скромно, украшения и меха передавались из поколения в поколение. «Дамы в Ново-Черкаске, очень элегантно, одеты в шёлк и бархат, носят дорогие меха. Мужчины придают большое значение лошадям, а дамы ездят на прогулки в экипажах» [там же].

Уровень образования в казачьих станицах, к сожалению, не показателен. В 1859 году, по мнению автора, только 1 из 400 казаков ходил в школу. В 1860 году в России наблюдается распространённая тенденция получения образования. Открываются школы для девочек и мальчиков, библиотеки, выходят в свет газеты. Также и казаки являются активными участниками этого процесса. Некоторые из них обучаются в университетах Харькова, Москвы и Петербурга.

Клаудиа Павлик в статье ««Детский» народ» - Россия и русские в учебниках географии времён императора» («Ein Volk von Kindern» – Rußland und Russen in den Geographielehrbüchern der Kaiserzeit») уделяет несколько строк образу казаков.

Она пишет о том, что образ казаков представляет светлые тона в картине России. В изученных немецких учебниках и книгах для чтения, казаки упоминаются около 50 раз, большинство этих упоминаний формулируются только одним предложением»[7.c377]. Главным образом казаков представляют, как хороших наездников. Только 22 книги дали более или менее подробное объяснение о законодательстве и образе жизни казаков. В них дана попытка объяснить их дифференциацию на донских, днепровских, кубанских и др. Жилища казаков описываются в данных источниках позитивно. Так же, как и у Г.Роскошного подчёркивается чистота домов, опрятность внешнего вида.

Гюнтер Махал пишет о казаках в статье «Россия и русские в карикатурах немецких художников» («Rußland und Russen in Karikaturen deutscher Zeichner 1870-1917») следующее: «Карикатура «Юмористическая карта Европы в 1870 году» (художник - Арнольд Нойманн) изображает немецкие государства, только что вместе с союзниками выигравшими войну против Наполеона, и добродушного казака, с хорошо наточенным ножом, олицетворяющего Россию. Ведь Россия, преследуя свои цели, рассчитывает получить определённые владения в европейской части континента»[6.c381].

В описании образа медведя, позже символизирующего Россию, Махал упоминает и образ казака, который долгое время служил такой аллегорией. «В конце XIX века медведь становится любимым иконографическим знаком сокращения для царской империи. Раннее этим образом был казак, изображение которого, напоминало о полной глупости, страхе, и трусости»[6.c.409]. Следует отметить, что комментарии исследователя не соответствует изображению казака в карикатуре. Последний выглядит простодушным простаком, однако, он не так глуп, если успешно достигает своей цели!

В рамках данного исследования можно прийти к следующим заключениям. Все исследуемые немецкие авторы воспринимали Российскую империю двояко. Точка зрения реципиента зависела от тематики и угла рассмотрения. Немцы отмечали у казаков – с одной стороны, - храбрость, порядочность, религиозность, чистоплотность и весёлый нрав, с другой стороны – варварство и всё, что под этим понимается.

Это клише находит отражение, как в художественной, так и в публицистической литературе. Публицистика зачастую выступает как один из источников его возникновения. Оно сформировано как на основе известных фактов и личностных оценок, так и суеверных представлений. Всё это демонстрирует многоликость образа Российской империи XIX века, духовное богатство народов её населяющих. Особая рецепция казаков и проявленный интерес ко всем сторонам их жизни у немецкой аудитории способствует развитию международных контактов и взаимопониманию. Актуальность данной тематики подтверждается повышенным интересом к позитивному и перспективному развитию отношений между Украиной и Германией.

Источники и литература:

1. Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. – Киев. – 1956. – 414с.
2. Манн Т. Лотта в Веймаре. – М.-Правда. –1986. – 557с.
3. Прохоров А.М. и др. Энциклопедический словарь. – М., – 1980. – 1596с.
4. Слабченко М., Соціально-правова організація Січі Запорізької.//Праці Комісії для виучування західно-руського та українського права, Українська Академія Наук, - №12. вип.ІІІ, – К., 1927.
5. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1, – СПб. – 1892. С. 189-190.
6. Mahal Guenter. Rußland und Russen in Karikaturen deutscher Zeichner 1870-1917.// Kopelew Lew.- Russen und Rußland aus deutscher Sicht in 4 B., B.4.-Muenchen. – 2000. – 1073 s.
7. Pawlik Claudia. –«Ein Volk von Kindern»//.Kopelew Lew.- Russen und Rußland aus deutscher Sicht in 4 B., B.4.Muenchen. – 2000. – 1073s.
8. Rawita - Gawronski., Bohdan Chmielnicki., – Lwow. T.I., 1906., S. 11.
9. Roskoschny Hermann. Rußland. Land und Leute. Leipzig. 346 s.

Турский И.И., Сухарев В.А.

ВЗГЛЯД ИЗ КОСМОСА НА РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVIII – XIX СТОЛЕТИЙ

История русско-турецких войн уходит своими корнями к последней четверти XVII столетия. Первое крупномасштабное столкновение произошло в августе 1677 года, когда турецкое войско под командованием Ибрагим-паши подступило к гетманской столице Чигирину, годом раньше занятой русскими войсками после перехода на сторону России гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, прежде придерживающегося протурецкой ориентации. Длившаяся почти целый год борьба закончилась тем, что в ночь на 1 сентября 1678 года русские войска оставили разоренный Чигирин, а турки сожгли все, что от него осталось. Космическим виновником этого события послужило резонансное состояние планеты Марс

-1678,669 (1 сентября 18678 г.)

Падение русской крепости Чигирин